

Александр Восьмой

Сказка: Фабрика грёз:
где сны становятся
машинами

Александр Восьмой

**Сказка: Фабрика грёз: где
сны становятся машинами**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Сказка: Фабрика грёз: где сны становятся машинами /
А. Восьмой — «Автор», 2026

Фабрика грёз: где сны становятся машинами. На окраине города стоит фабрика, которая превращает сны в механизмы. Каждый сон становится деталью, каждая мечта — шестерёнкой. Однажды фабрика начинает выпускать кошмары, и они оживают в городе. Герои должны проникнуть на фабрику и остановить производство кошмаров, пока они не поглотили весь город. Масштаб — гигантские цеха, где сны текут по трубам, и залы, где собираются механизмы из чужих грёз.

Александр Восьмой

Сказка: Фабрика грёз: где сны становятся машинами

Глава 1. «Ворота из латунных теней»

Сумерки опускались на город, будто тяжёлое бархатное покрывало, приглушая привычные звуки и вытягивая из переулков длинные, угловатые тени. Улицы, ещё недавно наполненные торопливым топотом сапог и скрежетом трамвайных колёс, теперь казались декорацией, застывшей в ожидании чего-то неизбежного. И только на окраине, там, где асфальт сменялся потрескавшейся брусчаткой, а фонари светили всё реже, горизонт разрезал исполинский силуэт — Фабрика грёз.

Она не просто возвышалась над окрестностями — она властвовала над ними. Её башни, сплетённые из тёмной стали и полированной латуни, тянулись к небу, словно пальцы гигантского механизма, пытающегося ухватить последние лучи заката. Трубы, толщиной с городские колонны, уходили ввысь и терялись в фиолетово-серой дымке. Но из них не валил тяжёлый угольный дым — вместо этого из раструбов плавно вытекали мерцающие ленты, похожие на растянутые сновидения: полупрозрачные, переливающиеся всеми оттенками сумерек, они медленно кружились в воздухе, оседая на крышах и растворяясь в наступающей темноте. Казалось, сама ночь здесь рождалась не из угасания света, а из этих текущих грёз.

Герои остановились у подножия гигантских ворот — главного входа на фабрику. Ворота были произведением безумного искусства: переплетение шестерёнок размером с повозку, ажурных решёток, сквозь которые просвечивали далёкие огни цехов, и витых латунных узоров, напоминающих завитки дыма. Металл не был холодным — он слабо вибрировал, передавая сквозь ладони низкий, почти неслышимый гул, от которого шевелились волосы на затылке. Это был не просто звук — это был ритм фабрики, её сердцебиение, тяжёлое и неумолимое.

— Слышишь? — прошептал Кай, крепче сжимая рукоять своего парового клинка. Его голос прозвучал непривычно тихо, будто даже шёпот здесь мог нарушить хрупкое равновесие.

— Не звук, — ответила Лира, не отрывая взгляда от ворот. — Это... ощущение. Как будто реальность здесь подстраивается под ритм машин.

Над воротами нависала массивная арка, украшенная барельефами: крошечные фигурки людей, тянущиеся к огромным шестерням, и механизмы, прорастающие из их ладоней. В центре арки тускло поблёскивал циферблат без стрелок — символ того, что время на фабрике имело иной смысл. По бокам от ворот стояли две статуи — не из камня, а из потемневшей меди: фигуры в плащах с капюшонами, чьи лица скрывались в тени, а вместо глаз мерцали крошечные линзы, будто они и сейчас продолжали наблюдать за каждым, кто осмеливался подойти слишком близко.

Когда герои шагнули вперёд, ворота медленно, с протяжным скрипом, начали расходиться. Шестерёнки поворачивались, лязгали, сцеплялись и расцеплялись, создавая сложный, завораживающий танец металла. Между створками проглядывали бесконечные ряды труб, уходящих вглубь фабрики, и тусклые огни, мерцающие где-то далеко, в лабиринте цехов. Пространство за воротами казалось не просто большим — оно было непостижимо масштабным, как будто фабрика не ограничивалась видимыми стенами, а разрасталась куда-то в стороны и вглубь, поглощая само понятие расстояния.

Первый порыв ветра, вырвавшийся из раскрывшихся ворот, пахнул не пылью и не маслом — он пахнул чем-то неуловимым, похожим на запах старой книги, забытого воспоминания и горячего чая одновременно. Лира невольно вдохнула глубже, и на мгновение ей показалось,

что она видит обрывки чужих снов: мелькание далёких городов, шёпот незнакомых голосов, ощущение полёта и внезапного падения. Кай резко схватил её за руку, возвращая в реальность.

— Не смотри слишком долго, — предупредил он, его голос звучал напряжённо. — Говорят, если поддаться этому, фабрика начнёт читать твои сны раньше, чем ты успеешь их запомнить.

Они переступили порог — и город остался позади. Здесь, за латунными воротами, началась иная реальность: место, где сны обретали вес, форму и движение, где каждая мечта становилась деталью огромного, непостижимого механизма. И где сейчас, среди всех этих сверкающих грёз, зарождалось нечто тёмное — кошмары, готовые вырваться наружу и поглотить не только фабрику, но и весь город.

Герои стояли на пороге, ощущая, как под ногами дрожит пол, отзываясь на каждый удар гигантского сердца фабрики. Впереди их ждал лабиринт цехов, залов и коридоров, где свет и тень сплетались в причудливые узоры, а каждый поворот мог привести либо к разгадке, либо к гибели. Но они уже сделали первый шаг — перешли запретную черту, и теперь пути назад не было.

Фабрика ждала.

Глава 2. «Цех текучих грёз»

Как только створки ворот остались позади, реальность словно сбросила с себя привычную оболочку. Пространство вокруг взорвалось масштабом: герои оказались не в обычном промышленном зале, а в исполинской полости, похожей на гигантский часовой механизм, забытый богами. Потолок терялся где-то высоко в полумраке, и лишь изредка оттуда срывались тусклые искры, похожие на падающие звёзды. Стены уходили вдаль, теряясь в дымке, а между ними тянулись сотни прозрачных труб — толстых, как стволы вековых деревьев, и тонких, как паучьи нити, — и по ним бежали потоки света.

Это были сны.

Они струились, переливаясь всеми оттенками сумерек: нежно-лиловый, как воспоминание о первом рассвете, глубокий синий, похожий на тишину перед бурей, тёплый янтарный, будто отголосок счастливого смеха. Иногда в потоке вспыхивали крошечные образы — силуэт кота на подоконнике, забытая мелодия, запах свежего хлеба, — но тут же растворялись, уносимые течением. Казалось, что цех не просто собирает сны, а дышит ими: воздух здесь был густым, насыщенным, он касался кожи не как ветер, а как прикосновение чьей-то чужой надежды.

В центре зала возвышался каскад резервуаров — огромные стеклянные чаши, установленные одна над другой, словно ступени к небу. В них сны «оседали»: свет сгущался, становился плотнее, кристаллизовался в крошечные многогранники, похожие на драгоценные камни. Каждый такой кристалл был заготовкой — будущей деталью механизма, отпечатанной мечтой. Они падали вниз по желобам, щёлкали, сталкивались, и этот тихий перезвон сливался в единую мелодию, которая не звучала в ушах, а вибрировала где-то внутри груди, отзываясь на самые потаённые уголки памяти.

— Смотри, — прошептал Кай, указывая на нижний ярус, где кристаллы ссыпались в воронки и исчезали в недрах фабрики. — Это и есть начало. Каждая мечта становится шестерёнкой.

Лира кивнула, но её взгляд был прикован к чему-то другому. Вдоль стен, в нишах, стояли первые механизмы — робкие, почти детские, собранные из добрых снов. Один напоминал птицу с крыльями из тонких пластин и глазами-линзами, которые мягко светились тёплым светом. Другой был похож на маленького зверька: округлый корпус, множество крошечных шестерёнок, которые тихо щёлкали, будто он пытался что-то сказать. Они не выглядели угро-

жающе — скорее, потерянно, как существа, только что появившиеся на свет и ещё не понимающие, кто они такие.

Когда Лира подошла ближе, механизм-птица слегка наклонил голову, будто прислушиваясь к её дыханию, а затем медленно расправил крылья и взлетел, оставив за собой лёгкий шлейф из мерцающих частиц. Лира невольно протянула руку, и на её ладонь опустилась крошечная искорка — на мгновение она увидела чей-то сон: тихий двор, качели, смех ребёнка. А потом искорка погасла, и видение исчезло, оставив лишь лёгкое тепло на коже.

— Они чувствуют, — тихо сказала Лира, глядя на Кая. — Не просто работают. Они... помнят.

Кай нахмурился, его пальцы крепче сжали рукоять парового клинка.

— Помнят или повторяют? — пробормотал он, оглядываясь по сторонам. — Здесь всё построено на чужих воспоминаниях. И если фабрика начинает искажать сны...

Он не успел договорить. В одном из дальних углов цеха что-то щёлкнуло, и из тени выдвинулся ещё один механизм — но этот был другим. Его корпус был угловатым, тёмным, будто покрытым копотью, а глаза-линзы мерцали не тёплым светом, а холодным, режущим фиолетовым оттенком. Он замер на мгновение, словно приюхиваясь к воздуху, а затем резко повернул голову в сторону героев.

Тишина в зале стала густой, почти осязаемой. Даже потоки света в трубах будто замедлились, а каскад резервуаров на мгновение перестал звенеть.

— Это уже не добрый сон, — шёпотом произнесла Лира.

Механизм сделал шаг вперёд, и пол под ним отозвался глухим металлическим звуком. За ним из темноты показались ещё несколько фигур — не таких изящных, не таких робких. Их движения были дёрганными, резкими, будто они ещё не научились владеть своими телами, но уже знали, что такое охота.

Кай шагнул вперёд, прикрывая Лиру.

— Держись ближе к трубам, — быстро проговорил он. — Говорят, свет грёз сбивает их с толку. Пока они не привыкли к нам, у нас есть шанс пройти дальше.

Герои двинулись вдоль стены, стараясь держаться в полосе рассеянного света, который лился из прозрачных труб. С каждым шагом атмосфера становилась тяжелее: звуки, которые раньше казались музыкой, теперь напоминали шёпот множества голосов, сплетающихся в неразборчивый гул. Иногда среди этого гула проскальзывали отдельные слова — чьи-то страхи, чьи-то надежды, чьи-то забытые обещания.

Лира вдруг остановилась, заметив на стене тонкую гравировку: крошечные шестерёнки, вписанные в узор, похожий на лабиринт. Она провела по ним пальцем, и на мгновение ей показалось, что узор засветился изнутри, будто откликнулся на её прикосновение. Но когда она моргнула, гравировка снова стала просто рисунком.

— Здесь всё живое, — тихо произнесла она, догоняя Кая. — Даже стены.

— Именно поэтому мы должны найти источник искажения, — ответил Кай, не сбавляя шага. — Если фабрика действительно начала выпускать кошмары, то где-то здесь должен быть узел, который управляет этим процессом. Нам нужно понять, как он работает, прежде чем эти механизмы станут по-настоящему опасными.

Они продолжали идти, оставляя позади робкие механизмы из добрых снов и стараясь не привлекать внимания тех, кто был создан из чего-то иного. Впереди, за каскадом резервуаров, виднелся проход — узкий, тёмный, ведущий в следующее сердце фабрики. Свет из труб очерчивал его края, словно предупреждая: за этой чертой начинается что-то новое, более глубокое, более опасное.

Но герои уже сделали свой выбор. Они пришли сюда, чтобы остановить производство кошмаров, и теперь каждый их шаг был не просто движением по цеху — он был вызовом самой фабрике, её ритму, её законам.

И фабрика отвечала.

Где-то глубоко внутри неё щёлкнула очередная шестерёнка, и каскад резервуаров снова наполнился звоном — теперь уже чуть более резким, чуть более холодным. Потоки света в трубах на мгновение потемнели, будто в них затесалась тень.

Герои переглянулись.

— Идём, — сказал Кай, первым ступая в проход.

Лира последовала за ним, чувствуя, как воздух становится плотнее, а звуки — острее. Они уходили всё глубже в фабрику, туда, где сны обретали форму, а механизмы — душу. И где-то впереди их ждал ответ на главный вопрос: что заставило фабрику начать выпускать кошмары?

Цех текучих грёз остался позади, но его шёпот ещё долго звучал в их ушах, напоминая, что здесь даже тишина имеет свой голос.

Глава 3. «Часовой зал: сердце из воспоминаний»

Переход из Цеха текучих грёз в Часовой зал был не просто шагом из одного помещения в другое — это было словно пересечение невидимой границы, где само время меняло свою природу. Едва герои ступили на порог, воздух вокруг стал гуще, будто пропитанный не паром и пылью, а самой сутью мгновений. Каждый вдох отдавался внутри лёгким эхом, словно лёгкие пытались удержать не только кислород, но и ускользающие секунды.

Зал раскинулся перед ними, подавляя масштабом: стены терялись в полумраке, а потолок уходил вверх, к невидимому куполу, где тускло мерцали крошечные лампы, похожие на далёкие звёзды. По всем четырём стенам тянулись гигантские циферблаты — не привычные круглые, а вытянутые, почти во всю высоту зала, с делениями, обозначавшими не часы и минуты, а фазы сна: «Дрема», «Лёгкий сон», «Глубокий сон», «Быстрый сон», «Пробуждение». Стрелки на них двигались не плавно, а рывками, будто спотыкаясь о чужие сновидения. Иногда они замирали на миг, а потом вдруг срывались вперёд, обгоняя друг друга, словно пытались угнаться за ускользающим ритмом чьих-то грёз.

В центре зала, пульсируя тусклым светом, возвышалось «сердце» фабрики — огромный механизм, похожий на переплетение тысяч шестерёнок, труб и стеклянных сосудов. Он не просто работал — он дышал. С каждым его «ударом» по прозрачным жилам, опутывающим зал, пробегала волна света, и воздух на мгновение становился холоднее, будто сама реальность вздрагивала от напряжения.

Над сердцем фабрики нависали воронки, из которых сыпались крошечные стеклянные сферы — фрагменты чужих воспоминаний. Они падали вниз, щёлкали, сталкивались, и каждый такой звук был не просто ударом стекла о стекло, а отголоском чьей-то забытой радости, чьего-то тихого страха, чьего-то несбывшегося желания. Сферы собирались в желоба, стекали вниз и исчезали в недрах механизма, питая его, заставляя биться быстрее, сильнее, отчаяннее.

— Смотри, — прошептал Кай, указывая на поток сфер. — Они все разные.

Лира вгляделась. Большинство сфер переливались тёплыми оттенками — золотистым, персиковым, нежно-голубым, — словно хранили в себе добрые воспоминания. Но среди них всё чаще мелькали тёмные: угольно-чёрные, с прожилками фиолетового, будто внутри них застыл чей-то кошмар. Они падали тяжелее, звенели резче, и каждый их удар отзывался в груди неприятным холодком.

— Это и есть искажение, — тихо произнесла Лира, чувствуя, как по спине пробегает дрожь. — Фабрика больше не просто собирает сны. Она впитывает страхи, и они становятся частью её ритма.

Кай кивнул, его взгляд скользил по механизму, пытаясь уловить логику его работы.

— Сердце фабрики питается воспоминаниями, — пробормотал он. — Если кошмаров станет слишком много, оно начнёт работать на них. И тогда каждый новый механизм будет рождаться не из мечты, а из страха.

Словно в ответ на его слова, одна из тёмных сфер сорвалась вниз, ударилась о край желоба и раскололась. На мгновение зал наполнился тихим шёпотом — не словами, а ощущениями: холод, одиночество, безысходность. Лира невольно вздрогнула, будто кто-то провёл ледяной рукой по её коже.

— Мы не можем позволить этому продолжаться, — сказала она, сжимая кулаки. — Нужно найти способ остановить поток тёмных воспоминаний.

Кай уже шагнул вперёд, осторожно ступая по металлическому полу, который слегка вибрировал в такт ударам сердца фабрики. Лира последовала за ним, стараясь не смотреть на циферблаты — ей казалось, что если она задержится взглядом на какой-нибудь фазе сна, время может схватить её и утянуть в чужое сновидение.

У основания механизма они заметили панель управления — ряд рычагов, кнопок и стеклянных дисков, каждый из которых, казалось, отвечал за определённую фазу сна. Кай осторожно коснулся одного из рычагов, и циферблат на стене тут же дёрнулся, стрелки на нём закружились в безумном танце, а поток сфер на мгновение замедлился.

— Осторожно, — предупредила Лира. — Мы не знаем, что будет, если нарушить ритм.

Но было уже поздно. Из тени, отделившись от переплетения труб, выдвинулся новый механизм — высокий, угловатый, с корпусом, покрытым тёмными прожилками. Его глаза-линзы мерцали холодным фиолетовым светом, а движения были дёрганymi, словно он ещё не до конца освоился в этом мире. Он замер на мгновение, будто принохиваясь к воздуху, а затем резко повернул голову в сторону героев.

За ним из темноты показались ещё несколько фигур — не таких изящных, не таких робких, как те, что они видели в Цехе текучих грёз. Эти механизмы были созданы не из добрых снов, а из страхов, и они знали, чего хотят.

— К панели! — крикнул Кай, выхватывая паровой клинок. — Попробуй перенастроить поток! Я их задержу!

Лира бросилась к панели, её пальцы дрожали, но она старалась сосредоточиться. Перед ней мелькали символы, непонятные знаки, шестерёнки внутри стеклянных дисков. Она не знала, как работает этот механизм, но чувствовала, что должна что-то сделать.

Она схватила один из рычагов и резко потянула его на себя. Циферблаты на стенах взвыли, стрелки закружились, а поток сфер вдруг изменил направление — тёмные сферы начали стекать в отдельный жёлоб, уходящий в сторону, подальше от сердца фабрики. Механизм в центре зала на мгновение замер, а затем его ритм стал чуть спокойнее, чуть ровнее.

Кай отбивался от механизмов, его клинок рассекал воздух, оставляя за собой следы пара и искр. Механизмы нападали рывками, их движения были непредсказуемыми, но Кай знал, как использовать пространство зала: он заманивал их к циферблатам, заставляя сталкиваться с массивными стрелками, которые сбивали их с толку.

Наконец, последний механизм рухнул на пол, разлетевшись на шестерёнки и осколки стекла. Зал на мгновение затих, и только сердце фабрики продолжало биться — теперь уже не в бешеном ритме, а ровно, почти спокойно.

Лира стояла у панели, тяжело дыша, её пальцы всё ещё сжимали рычаг.

— Получилось, — прошептала она, не веря своим глазам. — Мы смогли перенаправить поток.

Кай подошёл к ней, его лицо было покрыто копотью, а в глазах читалось облегчение.

— Ненадолго, — сказал он, оглядываясь по сторонам. — Фабрика слишком велика, чтобы остановить искажение одним движением. Но мы нашли способ влиять на её ритм. Теперь нужно понять, как полностью очистить её от кошмаров.

Они стояли в центре Часового зала, чувствуя, как время вокруг них течёт иначе — не так, как в городе за пределами фабрики. Здесь каждая секунда была наполнена чужими воспоминаниями, каждая минута — отголоском чьей-то жизни. И герои понимали: чтобы спасти город, им придётся проникнуть ещё глубже, туда, где фабрика хранит свои самые тёмные тайны.

Часовой зал остался позади, но его шёпот ещё долго звучал в их ушах, напоминая, что время здесь — не просто мера длительности, а живая сила, способная менять реальность.

Глава 4. «Галерея забытых желаний»

Из Часового зала герои шагнули в пространство, где время не спотыкалось о фазы сна, а словно застыло, превратившись в пыль, оседающую на металлические поверхности. Перед ними раскинулась Галерея забытых желаний — длинный, бесконечно вытянутый зал, напоминающий музей, в котором экспонатами были не предметы, а эмоции.

Стены терялись в полумраке, растворяясь где-то далеко впереди, а вдоль них, в нишах, выстроились механизмы — каждый на собственном пьедестале, будто памятник чьей-то когда-то живой надежде. Они не двигались, не щёлкали шестерёнками, не гудели — они просто стояли, покрытые тонкой плёнкой времени, словно их давно перестали замечать даже сами стены фабрики. И всё же в них чувствовалась жизнь — не та, что бьётся в ритме паровых машин, а тихая, почти неслышная, как шёпот воспоминаний.

Каждый механизм был отпечатком забытого желания. Один походил на птицу с крыльями из тонких пластин, которые когда-то, наверное, могли трепетать, но теперь лишь слегка подрагивали от сквозняка, будто вспоминали полёт. Другой напоминал маленький кораблик с парусами из полупрозрачной ткани, натянутой на ажурные рамы; казалось, он всё ещё ждал ветра, который так и не пришёл. Были здесь и фигуры, похожие на людей: с искажёнными пропорциями, вытянутыми руками, устремлёнными куда-то вперёд, в пустоту, где уже никто не ждал.

— Они как надгробия, — тихо произнесла Лира, проводя ладонью по воздуху рядом с одним из механизмов, не решаясь коснуться его. — Только хоронят здесь не тела, а мечты.

Кай молча кивнул, его взгляд скользил по рядам экспонатов, выискивая хоть намёк на опасность, на движение, на угрозу. Но галерея была спокойной — слишком спокойной, словно сама фабрика на мгновение затаила дыхание.

— Забытые желания не исчезают, — пробормотал он, повторяя то, что они уже начали понимать. — Они оседают здесь, становятся топливом. Чем старше желание, тем плотнее его след.

Лира остановилась у одного из пьедесталов. Механизм перед ней был похож на крошечное солнце: множество лучей, расходящихся от центра, каждый из которых заканчивался крошечной линзой. В этих линзах ещё мерцал слабый свет — не яркий, не дерзкий, а тихий, будто воспоминание о тепле. Лира наклонилась ближе и вдруг увидела в одной из линз крошечный отблеск: не просто свет, а движение, словно внутри механизма кто-то всё ещё надеялся.

— Смотри, — шёпотом позвала она Кая. — Этот не такой, как остальные. В нём ещё есть... жизнь.

Кай подошёл, прищурился, вглядываясь в детали. И тогда он заметил: среди тусклых, почти серых механизмов, покрытых патиной времени, этот выделялся. Его металл не потемнел, не покрылся ржавчиной — он будто сопротивлялся забвению. А в центре, там, где сходились лучи, слабо пульсировал крошечный кристалл, излучая не холодный свет грёз, а тёплое, янтарное сияние, похожее на отголосок человеческого сердца.

— Это не просто экспонат, — сказал Кай, осторожно протягивая руку и касаясь края пьедестала. — Это ключ.

Едва его пальцы коснулись металла, галерея словно вздохнула. Где-то в глубине зала щёлкнула шестерёнка, и один из массивных витражей на стене медленно сдвинулся в сторону,

открывая проход — узкий, тёмный, уходящий вглубь фабрики. Из прохода потянуло прохладным воздухом, пахнувшим озоном и чем-то ещё, неуловимо знакомым — как запах старой фотографии, которую кто-то долго держал в руках.

— Он откликнулся, — прошептала Лира, глядя на пульсирующий кристалл. — Будто ждал, когда его найдут.

Кай снял деталь с пьедестала. Она оказалась неожиданно тёплой, будто впитала в себя не только забытое желание, но и тепло того, кто его когда-то хранил. Кристалл внутри мягко мерцал, подстраиваясь под ритм их шагов, и казалось, что он не просто светится, а шепчет что-то на языке, который можно услышать только сердцем.

— Теперь мы знаем, куда идти, — сказал Кай, пряча деталь за пазуху, поближе к груди. — Но я не уверен, что следующий зал будет таким же... спокойным.

Они шагнули к проходу, оставляя позади ряды застывших желаний. Галерея не проводила их шумом или угрозами — она проводила их тишиной, тяжёлой и густой, словно каждый экспонат молча просил: «Не забывайте нас».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.